

УДК 904/908
DOI 10.17223/19988613/43/2

Н.Н. Серегин, В.В. Тишин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ «ЗАПАДНОГО» НАПРАВЛЕНИЯ КОНТАКТОВ ЭЛИТЫ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Элита древних тюрок Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№ 16-31-01029a2).

Проводится анализ археологических материалов, демонстрирующих контакты тюрок Центральной Азии с согдийцами во второй половине I тыс. н.э. Рассмотрены результаты раскопок ряда «элитных» погребальных комплексов, расположенных на территории Монголии и Алтая и относящихся к различным периодам истории кочевников. Представлен опыт прочтения рунических надписей на монетных индикациях из тюркских захоронений некрополей Увгунт и Туэкта. Обосновывается утверждение о значении брактеатов как важных показателей высокого статуса в обществе кочевников.

Ключевые слова: тюрки; элита; Центральная Азия; согдийцы; монетные индикации.

Одним из важных сюжетов истории тюрок Центральной Азии являются их активные внешние контакты во второй половине I тыс. н.э. Результатом такого взаимодействия стали различные заимствования от оседло-земледельческих народов в сфере материальной и духовной культуры. В основном эти контакты были обусловлены масштабной военной экспансией кочевников, а также развитием торговых отношений, что достаточно подробно отражено в археологической литературе на примере контактов тюрок с Китаем. Однако существовали и иные формы взаимоотношений кочевников с оседло-земледельческими народами. Известны случаи, когда последние непосредственно инкорпорировались в кочевую среду, в результате чего создавался своеобразный культурный симбиоз. Примером подобной формы контактов могут выступать взаимоотношения тюрок с согдийцами. Разноплановые сведения о таком взаимодействии представлены в письменных источниках (из последних работ см.: [1, 2 и др.]). Археологические же материалы, демонстрирующие контакты тюрок с согдийцами, менее представительны и требуют специального анализа. Некоторые аспекты подобной работы представлены в настоящей статье.

Анализ археологических материалов. Археологические свидетельства «западного» направления контактов тюрок в Центральной Азии довольно фрагментарны. Широко известны результаты исследований единичных мемориальных комплексов с согдийскими надписями [3, 4 и др.]. При этом более конкретные данные для анализа особенностей контактов согдийцев с тюрками предоставляют результаты раскопок погребальных комплексов второй половины I тыс. н.э. в разных частях Центрально-Азиатского региона.

Одним из свидетельств согдийского влияния на материальную культуру тюрок является находка меча с согдийской надписью в погребении кургана № 9 памятника Джолин-I на Алтае [5. Рис. 5]. Возможным показателем «западного» направления контактов нома-

дов также может выступать фрагмент зеркала, обнаруженный в ходе раскопок комплекса Катанда-II [6. Рис. 7, б] и имеющий аналогии в памятниках Средней Азии. По мнению некоторых исследователей, значительная часть предметов торевтики из памятников тюрок Центральной Азии могла быть произведена согдийцами или самими номадами, но под влиянием согдийских изобразительных и технологических традиций [7. С. 135–137]. При этом подтверждение данной точки зрения требует осуществления отдельного исследования и привлечения всех имеющихся материалов. Так или иначе в данном случае уместно привести замечание Б.И. Маршака о том, что в связи со слабой степенью изученности искусства кочевников в настоящее время «трудно отличить то, что сделано кочевником, от того, что сделано для кочевников, и от того, что сделано осёдлыми для осёдлых, но под влиянием кочевников» [8. С. 51].

Важные материалы для исследования «западного» направления контактов тюрок предоставляют отдельные «элитные» погребальные комплексы, раскопанные на территории Монголии и Алтая. Особенностью этих объектов является присутствие в составе сопроводительного инвентаря монетных индикаций (брактеатов), происхождение которых, судя по имеющимся сведениям, может быть связано с территорией Согда.

Первый из обозначенных объектов раскопан на памятнике Увгунт в Центральной Монголии [9]. В ходе исследований зафиксировано своеобразное наземное сооружение – с южной стороны к насыпи кургана примыкала каменная пристройка, в которой, вероятно, первоначально была установлена стела или изваяние. Судя по имеющейся информации, в частично разграбленной могиле находилось захоронение человека в сопровождении двух лошадей. Сохранившийся инвентарь погребения представлен главным образом конским снаряжением (удила с псалями, подпружная пряжка, золотые бляшки-накладки, крупная позолоченная ажурная бляха с подвесными колокольчиками). Наибо-

лее яркой находкой является золотая индикация византийской монеты. Проведенный анализ данного предмета позволил заключить, что брактеат изготовлен в подражание византийским монетам Ираклия или Леонтия, что ограничивает возможный период его производства рамками второй половины VII – первой половины VIII в. [9. С. 10–12]. Характеристики изделия дают основания для предположения о том, что реплика выполнена согдийским мастером, который, судя по имеющейся на индикации рунической надписи, мог проживать в восточных согдийских колониях [Там же. С. 11].

Другая похожая находка зафиксирована ранее, в 1937 г., в ходе раскопок раннесредневекового комплекса Туэкта в Центральном Алтае [10. Табл. LII]. Материалы исследований данного памятника до сих пор опубликованы крайне фрагментарно, что затрудняет интерпретацию зафиксированных характеристик погребального обряда. Судя по представленному описанию, рассматриваемое золотое изделие обнаружено в центральном ограбленном захоронении кургана № 2 обозначенного некрополя [Там же. С. 305]. Важно отметить, что на данной индикации также зафиксирована руническая надпись, рассмотренная ниже. Вопрос о нумизматическом определении находки остается актуальным, что позволит более обосновано рассматривать происхождение изделия.

Серия монетных индикаций существенно пополнилась в результате раскопок «элитного» раннесредневекового комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) в Монголии [11. С. 183–196]. Исследование материалов данного памятника позволяет отнести его к одному из наименее изученных периодов в истории тюрков – времени зависимости кочевников от Китая (630–679). Проведенный специальный анализ нумизматической коллекции комплекса Майхан Уул, насчитывающей более 40 предметов, дало основания для выделения золотых индикаций византийских, согдийских и сасанидских монет, произведенных, судя по зафиксированным характеристикам изделий, в Восточном Согде [12. С. 77].

Важно отметить, что все рассмотренные погребения с золотыми индикациями в разной степени демонстрируют особенности погребальной обрядности элиты общества тюрков Центральной Азии. Несмотря на ограбленность объектов, очевидно присутствие в составе инвентаря «престижных» изделий. Вероятно, золотые брактеаты «западных» монет также отражали высокий прижизненный статус погребенных людей. Дополнительную информацию для интерпретации подобных находок предоставляют результаты изучения рунических надписей на индикациях.

Рунические надписи на монетных индикациях. С.Г. Кляшторным уже была предпринята попытка прочтения надписи на золотом брактеате из Увгунта [9. С. 12–13]. Можно согласиться с его транскрипцией второй строки (два знака вдоль правого края) как b2g, позволяющей предполагать наиболее вероятное прочтение b(e)g ‘правитель, вождь, бек, князь’, ‘господин’.

Трудно, однако, принять интерпретацию знаков первой строки (пять знаков по левому краю). Во-первых, ввиду того, что пространственная ориентация начертания первого знака, согласно С.Г. Кляшторному, отлична по отношению к последующим – в этом случае он расположен перпендикулярно по отношению к ним. Во-вторых, при интерпретации второго (если относить «точку» к первому) знака как неогубленного широкого гласного не учитывается тот факт, что, как правило, в памятниках древнетюркской рунической письменности гласные данного качества в первом корневого слоге не выписывались. В-третьих, не позволяет однозначно принимать восприятие всей надписи как единой конструкции само расположение строк, разбивающее устойчивое словосочетание по двум фрагментам.

Если так же следовать прочтению знаков по направлению сверху вниз, исходя из начертания портрета на пластинке, может быть предложено следующее толкование. Форма первого знака позволяет почти однозначно видеть здесь губной (узкий или среднеширокий) гласный заднего ряда /o ~ u/. Второй знак в виде точки, если исключить возможность наличия у него исключительно пунктуационного значения, демонстрирует скорее ближайшее сходство с формой /m/, характерной для рунических памятников Кыргызстана [13. С. 124–125. Табл. 18, стк. 34, 37], но вместе с тем здесь более вероятной видится известная в памятниках Монголии, бассейна Енисея и Восточного Туркестана, хотя и редкая, форма знака с фонемным значением /nt/ (в орхонике и турфанских текстах) или /ŋ/ (в енисейке) [13. С. 145. Табл. 18, стк. 1; 14. С. 161. Рис. 3; 15. С. 23, 27, 249, 252, 256; 16. С. 171]. В интерпретации третьего знака как широкого неогубленного гласного мы не имеем причин возразить С.Г. Кляшторному. Начертание четвертого знака позволяет предполагать здесь также форму лигатуры /nč/ [13. С. 146. Табл. 34, стк. 7], либо носового /ŋ/, характерную для восточно-туркестанских древнеуйгурских текстов [14. С. 161. Рис. 3]. В интерпретации пятого знака можно было бы согласиться с С.Г. Кляшторным, видя здесь палатализованный /r/ (r2), но неопределенность очертаний дает возможность предполагать здесь характерные для текстов из Восточного Туркестана аллографы графем с фонемным значением /t/ переднего ряда (t2) [13. С. 138–139. Табл. 28, стк. 13–14] либо веляризованного щелевого глухого /š/ (š1) [Там же. С. 134. Табл. 25, стк. 20; 14. С. 161. Рис. 3], что выглядит наиболее предпочтительным, исходя из всех вероятных вариантов транскрипции.

Транслитерация wINTADŋI дает предположительное чтение с разбивкой первой строки на две лексемы: (1) unta (или: onta) (a)ŋ(i)š (2) b(e)g. Первая лексема при прочтении с полушироким инициальным гласным /onta/ могла бы быть сопоставлена с неизвестной для памятников древнетюркской рунической письменности формой, образованной от числительного on ‘десять’ при помощи аффикса локатива +dA (~ +tA), что, одна-

ко, вызвало бы значительные трудности при интерпретации всей фразы с точки зрения синтаксиса. В другом случае она может быть сопоставлена с формой наречия *onda* ~ *anda* ~ *unda* ‘там’, ‘тогда’ (< указат. местоим. **an* / **on* / **un*), в древнетюркских памятниках зафиксированной в варианте *anta* [17. С. 456; 18. С. 166] (о первичности формы **un* см. также: [19. С. 212–215]). Вместе с тем в одном из манихейских гимнов и в сутре «Алтун йарук» («Золотой блеск», или *Suvaṅṅarabḥāsottama*, ок. X в.), записанных древнеуйгурским письмом, встречается наречие *upa* (~ *ona*?) ‘вот, теперь’ [20. С. 612; 21. S. 141, 265; 22. P. 354–355], по мнению А. фон Габэн [23. S. 588], вокатив от указательного местоимения *ol* (> вокализ. *ona*). В древнеуйгурской версии биографии Сюань Цзана оно употреблено также в функции примыкающего определения, следуя дважды в конструкции с однородными членами: *upa ... upa ...*, что по контексту можно перевести конструкцией ‘как ..., так и ...’ [24. P. 66, 248]. Вероятно, это вариант формы дательного падежа с падением согласного (*upa* < **uja* < **un-ya*) [25. P. 57–61], характерный для огузской группы, sporadически встречающийся в памятниках орхонской и енисейской письменностей [16. С. 187]. В связи с неоднозначной интерпретацией фонемного значения знака интересно также наблюдение И.В. Кормушина о грамматической равнозначности дательного (+*dA* ~ +*tA*) и направительного (+*kA* ~ +*gA*) падежей при обозначении объекта действия [15. С. 252; 16. С. 187, 191]. Мы предполагаем в нашем случае фонетическую форму **onta* ~ **unta*, где формант +*tA* (т.е. с глухим согласным) является показателем более древней фонологии, характерным для всех орхонских и малого числа енисейских текстов [16. С. 188–189].

Вторая лексема также не находит фиксации в известном лексическом фонде. Предполагаемая разбивка на морфемы (*aṅ-iš*) позволяет сопоставить читаемое слово с однокоренными ср.-уйг. *aṅu* ‘образ’, ‘вид, изображение’ [20. С. 53, 662] (где, однако, ошибочно приводится форма *aṅaṅu*, ср.: [26. P. 249]), карах.-уйг. *anu* ‘картина’ [27. Стб. 186], восходящие, судя по всему, к глагольной основе *aṅ-* ‘помнить, упоминать’ [17. С. 153–154; 28. P. 168]. В нашем случае представлена форма с афф. -*Xš*, образующим имена существительные с абстрактным значением. Ср. омофоны: тобол. тат. *аныш* ‘понятие’ [27. Стб. 185], чаг. *аңиш* ‘понятие’ [Там же. Стб. 186], восходящие к родственной именной основе *aṅ* ‘понимание’.

В целом можно предложить следующий перевод надписи: ‘(1) вот (такое) изображение: (2) правитель (господин)’. Если брать за основу палеографический аспект, то нам пришлось бы считать, что мы имеем дело с надписью, выполненной в период примерно второй половины IX–X в., в то время как фонология свидетельствует в пользу скорее VIII – первой половины IX в.

Надпись на золотой индикации из кургана № 2 у с. Туэкта, известной лишь по одной фотографии, опубли-

кованной С.В. Киселевым [10. С. 307. Табл. ЛII], до сих пор оставалась без внимания специалистов, хотя еще первооткрыватель отмечал здесь «надпись буквами, напоминающими орхонский курсив» [Там же. С. 305]. Вариант прочтения может быть предложен. На фотографии выделяются пять знаков, читаемых следуя по направлению справа налево вдоль портрета от его верхней части. Первый и третий знаки в форме «столбика» однозначно интерпретируются как /*s*/ ~ /*š*/, употреблявшийся в рунической письменности с перебоем [13. С. 133. Табл. 25, стк. 1; С. 135. Табл. 26, стк. 1], чаще в палатальном, но также и в веларном ряду [18. С. 64–65]. Второй знак передает лигатуру /*nč*/ [13. С. 146. Табл. 34, стк. 1, 5, 6]. Четвертый знак может быть интерпретирован как задний огубленный гласный [Там же. С. 93. Табл. 3, стк. 7]. Истолкование пятого знака затрудняется ввиду недостаточной четкости форм на снимке, однако, исходя из прочтения остальных знаков, мы предлагаем здесь фонемное значение /*z*/ с искажением верхнего левого элемента [Там же. С. 142. Табл. 30].

В итоге транслитерация *s2NČs2w1Z* позволяет восстанавливать прочтение *s(a)nčsuz*, буквально ‘бессчетный, безрасчетный’ < **sa-* ‘считать, подсчитывать’ [20. С. 478; 28. P. 781–782] + *-(X)nčsXz* – аффикс, образующий имена прилагательные как от каузативных, так и от пассивных основ [22. P. 152; 29. P. 349–356]. Подобного слова ни в одном из известных памятников и, соответственно, словарей, насколько нам известно, не зафиксировано, потому достаточно сложно определить его семантику – имеется ли в виду ‘нечто, не поддающееся счету’ или ‘нечто, не предназначенное для расчета’. Один из образующих составную морфему элементов, аффикс отрицательности +*sXz*, приводится здесь с графическим обозначением гласного (+*suz*). Для памятников древнетюркской рунической письменности это в целом не характерно, но такие моменты встречаются в отдельных енисейских текстах, авторы которых, по мнению И.В. Кормушина, хотя и подчеркивают свою принадлежность к определенной диалектной группе [16. С. 178–179]. Если это так, то автор надписи был носителем того диалекта, где вокализм характеризовался последовательной губной гармонией, приближенной к современному алтайскому языку.

Еще один знак, проглядывающийся слева от изображения, под трещиной, где, вероятно, также находился знак, невозможно интерпретировать. В зависимости от пространственной ориентации здесь можно предполагать *l2* [13. С. 121. Табл. 17, стк. 9], *ṅ* [Там же. С. 126. Табл. 20, стк. 1, 3] или, более вероятно (ср. расположение знаков на брактеате из Увгунта), *č* [Там же. С. 140. Табл. 29, стк. 4] или *ī* ~ *i* [Там же. С. 97. Табл. 2, стк. 4, 5, 9, 10]. Вслед за С.Е. Маловым [30. С. 16, 102] можем предположить в этом случае (*ač* (< монг.?) ‘милость, благодетель’, ср. ср.-монг. *хаči* (кит., шрифт Паге-Па) ~ *аči* (уйг. шрифт), ‘вознаграждение, благодарность, милость’ [31. S. 20]; ср. карах.-уйг. *аčiṅ* ‘награда, возна-

граждение; дары’, ‘благодарность, доброжелательность’, ‘польза; благоденствие, удовольствие, счастье’ [20. С. 5], ‘уже (только у Махмуда Кашагрлы) – ‘подаорок от правителя’ [27. Р. 22].

Недавно было высказано предположение о возможном наличии рунических надписей на монетах из комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) [12. С. 75]. Однако ближайшее рассмотрение фотографий данных объектов [11. С. 183–196] не дает оснований согласиться с этим.

В заключении хотелось бы отметить следующее. Анализ зафиксированных особенностей археологических комплексов не позволяет сделать каких-либо выводов о конкретном функциональном назначении рассмотренных монетных индикаций. При этом нет сомнений, что золотые брактеаты являлись важными показателями социального статуса в обществе тюрков Центральной Азии. Все немногочисленные предметы обнаружены в «элитных» захоронениях разного уровня, отличающихся целым рядом специфических характеристик обряда. Важно отметить, что эти комплексы

относятся к различным хронологическим периодам. Уточнение датировки обозначенных объектов возможно, в том числе, при дальнейшем анализе нумизматических находок. Особую актуальность имеет изучение индикации из памятника Туэкта, до сих пор не привлекавшей внимание специалистов. Проведение такой работы позволит также определить происхождение брактеата. Изделия из комплексов Увгунт и Майхан Уул демонстрируют контакты тюрков с согдийцами, отражая особенности взаимоотношений кочевников с представителями оседло-земледельческого мира в разные периоды истории. Содержание рунических надписей на брактеатах в туэктинском и увгунтском погребениях, что характерно, присутствующих здесь в единичных экземплярах, согласно предложенному чтению, позволяет предполагать наличие у обнаруженных индикаций функций, не связанных с торговой сферой, и рассматривать их как предметы, отражающие какие-то взаимоотношения в среде тюркской элиты. Немногочисленность имеющихся материалов и гипотетичность прочтений не дают оснований для более конкретных заключений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maršak B.İ. *Türkler ve Soğdlular // Türkler*. Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 170–178.
2. Vaissière É. de la. *Sogdian Traders: a History*. Boston: Brill, 2005. 406 p.
3. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // *Страны и народы Востока*. 1971. Вып. X. С. 121–146.
4. Ôsawa T. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // *Ërân ud Anëran: Studies Presented to Boris Il’ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday*. Venezia : Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. P. 471–504.
5. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // *Северная Азия и соседние территории в Средние века*. Новосибирск : Наука, 1992. С. 25–36.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л.: Наука, 1965. 146 с.
7. Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // *Проблемы политогенеза кыргызской государственности: документы, исследования, материалы*. Бишкек: Б.и., 2003. С. 134–139.
8. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. М. : Наука, 1971. 191 с.
9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской тюревтике // *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии*. 1990. Вып. 16. С. 5–16.
10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
11. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхонт булшны малтлага судалгаа (Раскопки древнего захоронения в мавзолее). Улаанбаатар, 2013. 290 с.
12. Горбунов В.В., Серов В.В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // *Известия Алтайского государственного университета*. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. № 1–4 (88). С. 72–78.
13. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983. 160 с.
14. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука, 2006. 591 с.
15. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.
16. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.
17. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
18. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л. : Наука, 1980. 170 с.
19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М. : Наука, 1988. 560 с.
20. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 714 с.
21. Saferoğlu A. *Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü*. İstanbul, 1968. 320 s.
22. Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden ; Boston : E.J. Brill, 2004. 575 p.
23. Gabain A. (von) *Die pronominal in Altürkischen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1950. Bd. 100. S. 581–591.
24. Aydemir H. *Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain ediert, übersetzt und kommentiert : Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen*. Göttingen, 2011. 482 p.
25. Kotwicz W. *Les pronoms dans les langues altaïques*. Kraków : Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności, 1936. 80 p.
26. Pelliot P. *Sur la légende d’Uyuz-khan en écriture ouïgoure // T’oung Pao (Second Series)*. 1930. Vol. 27, № 4/5. P. 247–358.
27. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. XVII с., стб. 1–968.
28. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford : Clarendon Press, 1972. 989 p.
29. Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verlag, 1991. 874 p.
30. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
31. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki : Yliopistopaino Oy, 2006. 841 s.

Seregin Nikolai N. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; Tishin Vladimir V. Institute of Oriental Studies (Moscow, Russia). E-mail: tihij-511@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE «WESTERN» CONTACTS OF TURKIC ELITE OF CENTRAL ASIA IN THE SECOND HALF OF I THOUSAND AD.

Keywords: Turks; elite; Central Asia; Sogdians; monetary indications.

The article considers the analysis of archaeological evidences of the «western» direction of contacts of Turkic peoples in Central Asia in the second half of the 1-st millennium AD. The volume of the available materials is very insignificant, despite of considerable amount of information on the similar relations in written sources. The authors present the review of results of excavation of Turkic memorial complexes with the Sogdian inscriptions, and also materials of the funeral sites containing some confirmations of contacts of nomads in the «western» direction. The main attention is paid to the analysis of several «elite» Turkic funeral complexes of Uvgunt, Maykhan Uul and Tuekta which are dug out in the territory of Mongolia and Altai. The feature of these objects is a presence at structure of accompanying stock of monetary indications (brakteat) which origin, judging by the available data, can be connected with Sogd's territory. Additional information for interpretation of these finds could be obtained during the studying of runic inscriptions on indications which are presented in article in detail. The analysis of the recorded features of archaeological complexes does not allow drawing any conclusions on a concrete functional purpose of the considered monetary indications. At the same time there are no doubts that gold brakteats were important indicators of the social status in the Turkic society in Central Asia. All not numerous objects are found in the «elite» burials of different level differing in a number of specific characteristics of a funeral ceremony. It is important to note that these complexes belong to various chronological periods. Specification of dating of the designated objects is possible, including, in the further analysis of numismatic finds. Studying of the indication from Tuekta site which was still not drawing attention of experts has special relevance. Carrying out such work will allow defining an origin of a brakteat also. Products from complexes of Uvgunt and Maykhan Uul show contacts of Turkic peoples with Sogdians, reflecting features of relationship of nomads with representatives of the settled and agricultural world during the different periods of history. The maintenance of runic inscriptions on the brakteats in Tuekta and Uvgunt burial grounds that presents at single copies, according to the offered reading, allows to assume presence at the found indications of the functions which are not connected with the trade sphere and to consider them as the objects reflecting some relationship in the environment of Turkic elite. Small number of the available materials and a preliminary character of readings do not give the grounds for more concrete conclusions.

REFERENCES

1. Maršak, B.Ĭ (2002) *Türkler ve Soğdlular*. Vol. 2. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları. pp. 170-178. (In Turkish).
2. Vaissière, É. de la. (2005) *Sogdian Traders: a History*. Boston: Brill.
3. Klyashtornyy, S.G. & Livshits, V.A. (1971) Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [The Sughd inscription from Bugut]. In: Popov, I.F. (ed.) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. pp. 121-146.
4. Ōsawa, T. (2006) Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang. In: Compareti, M., Raffetta, P. & Scarcia, G. (eds) *Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Ĭ'ich Maršak on the Occasion of his 70th Birthday*. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina. pp. 471-504.
5. Kubarev, V.D. (1992) Palash s sogdiyskoy nadpis'yu iz drevneturkskogo pogrebeniya na Altae [A broadsword with a Sogdian inscription from ancient Turkic burial in the Altai]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* (North Asia and neighboring territories in the Middle Ages). Novosibirsk: Nauka. pp. 25-36.
6. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [The Kudyrga Burial as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
7. Khudyakov, Yu.S. (2003) Iransko-tyurkskiy kul'turnyy simbioz v Tsentral'noy Azii [Iranian-Turkish cultural symbiosis in Central Asia]. In: Dzhunushaliev, D.D., Kakeev, A. & Ploskikh, V.M. (eds) *Problemy politogeneza kyrgyzskoy gosudarstvennosti: dokumenty, issledovaniya, materialy* [Problems of Kyrgyz statehood politogenesis: Documents, research materials]. Bishkek: [s.n.]. pp. 134-139.
8. Marshak, B.I. (1971) *Sogdiyskoe serebro. Ocherki po vostochnoy torevtike* [The Sogdia silver. Essays on the Eastern toreutics]. Moscow: Nauka.
9. Klyashtornyy, S.G., Savinov, D.G. & Shkoda, V.G. (1990) Zolotoy brakteat iz Mongolii. Vizantiyskiy motiv v tsentral'noaziatskoy torevtike [Gold bracteates from Mongolia. The Byzantine motif in the Central Asian toreutics]. *Informatsionnyy byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii*. 16. pp. 5–16.
10. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Ochir, A., Erdenebold, L., Harzhaubay, S. & Zhantegin, Kh. (2013) *Eriny nuudelchdiyn bunkhant bulshny maltaga sudalгаа* [Excavations of the ancient burial in the mausoleum]. Ulaanbaatar.
12. Gorbunov, V.V. & Serov, V.V. (2015) Numismatic Complex of Turk Tomb at Shoroon Bumbagar. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki i arkheologiya – The News of Altai State University. History and Archeology*. 1–4(88). pp. 72-78. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-10
13. Vasiliev, D.D. (1983) *Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoy runicheskoy pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizatsii)* [Graphic monuments of Turkic runic writing in Asia (systematization)]. Moscow: Nauka.
14. Klyashtornyy, S.G. (2006) *Pamyatniki drevneturkskoy pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noy Azii* [Monuments of ancient literature and ethno-cultural history of Central Asia]. St. Petersburg: Nauka.
15. Kormushin, I.V. (1997) *Tyurkskie eniseyskie epitafii. Teksty i issledovaniya* [Yenisey Turkic epitaph. Texts and Studies]. Moscow: Nauka.
16. Kormushin, I.V. (2008) *Tyurkskie eniseyskie epitafii: grammatika, tekstologiya* [Yenisey Turkic epitaphs: Grammar, textual]. Moscow: Nauka.
17. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obschetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [The Etymological Dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic vowel stems)]. Moscow: Nauka.
18. Kononov, A.N. (1980) *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv.* [The language grammar in the Turkic runic monuments of the 7th – 9th centuries]. Leningrad: Nauka.
19. Tenishev, E.R. (ed.) (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [The Comparative Grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow: Nauka.
20. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Shcherbak, A.M., Borovkova, T.A., Dmitrieva, L.V., Zyrin, A.A., Kormushin, I.V., Letyagina, N.I. & Tugusheva, L.Yu. (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [The Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
21. Caferoğlu, A. (1968) *Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü* [The Old Uighur Turkish Dictionary]. Istanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları.
22. Erdal, M. (2004) *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: E.J. Brill.
23. Gabain, A. (von) (1950) Die pronominal in Alttürkischen [The pronominal in Old Turkish]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 100. pp. 581-591.
24. Aydemir, H. (2011) *Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX. Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain ediert, übersetzt und kommentiert* [The Old-Turkish Xuanzang Biography IX. Edited, translated and commented on

- the manuscripts of the Faculty of Philosophy of the Georg-August-University of Göttingen, according to the manuscript of Paris, Peking and St. Petersburg as well as the transcript of Annemarie by Gabain.]. Philosophy Doc. Diss. Göttingen.
25. Kotwicz, W. (1936) *Les pronoms dans les langues altaïques* [Pronouns in Altaic languages]. Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności.
 26. Pelliot, P. (1930) Sur la légende d'Uğuz-khan en écriture ouïgoure. *T'oung Pao (Second Series)*. 27(4/5). pp. 247-358. (In French).
 27. Radlov, V.V. (1893) *Opyt slovarya tyurkskikh narechij* [A Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
 28. Clauson, G. (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
 29. Erdal, M. (1991) *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
 30. Malov, S.E. (1952) *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov: teksty i perevody* [Yenisei writing of the Turks: Texts and translations]. Moscow; Leninrad: USSR AS.
 31. Rybatzki, V. (2006) *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung* [The names and titles of the documents of the Middle Ages. A lexical examination]. Helsinki: Yliopistopaino Oy.